

ПЕСКИ

НАСЛЕДИЕ ДЖИННОВ

◆ ЭЛВИН ◆
ГАМИЛЬТОН

Элвин Гамильтон
Пески. Наследие джиннов
Серия «Пески», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64237432

Гамильтон Э. Пески: трилогия. Наследие джиннов, книга первая: ООО

«Издательство Робинс»; Москва; 2018

ISBN 978-5-4366-0530-2

Аннотация

Палящее солнце и бескрайние дюны, свист песчаных бурь и гром выстрелов, ежедневная битва за жизнь. Мир сказок «Тысячи и одной ночи», где чувственный жар пропитан порохом и пеплом. Героев ждёт беспощадная пустыня, магические огненные скакуны, золотые дворцы тиранов, джинны и прекрасные принцы.

Новая, оригинальная альтернативная вселенная подана автором убедительно и неизбито, с драмой, юмором и неослабевающей динамикой. Сложные, неоднозначные характеры, мастерски прописанные в ярких диалогах, и захватывающие приключения в сочетании с трогательными сюжетными поворотами заставят с нетерпением ждать продолжения.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	35
Глава 4	55
Глава 5	64
Глава 6	71
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Элвин Гамильтон

Пески

Наследие джиннов

Alwyn Hamilton
Rebel of the Sands

First published in US by Viking Penguin in 2016

First published in UK by Faber and Faber Ltd in 2016

Bloombury House, 74–77 Great Russel Street, London

WC1B 3DA

All rights reserved

© Blue Eyed books Ltd., 2016

Cover Design and Lettering © Faber and Faber Ltd.

Оригинальное издание впервые опубликовано на англий-

ском языке в 2016 году под названием Rebel of the SANDS издательством Викинг, Пингвин Рандом Хаус, 375 Хадсон-стрит Нью-Йорк, Нью-Йорк 10014

© ООО «Издательство Робинс», перевод, издание на русском языке, 2018

* * *

Глава 1

Говорят, после заката в Шалмане добрым людям не место. Меня особо злой не назовёшь, но и в добропорядочные тоже, пожалуй, не запишешь.

Я соскочила с седла возле питейного дома с вывеской: «Пересохшая глотка» и оставила Синьку у коновязи. В чёрных глазах парнишки, сидевшего спиной к изгороди, почудилось подозрение. Может, и впрямь почудилось. Надвинув на лицо широкополую шляпу, я выскользнула со двора. Шляпа была украдена у дядюшки, так же как и кобыла. Точнее, позаимствована. На самом деле по закону ему принадлежало всё, включая мою одежду.

Двери пивной распахнулись, выпуская вместе со светом и гомоном хмельного толстяка в обнимку с женщиной. Моя рука невольно дёрнулась, чтобы поправить платок-куфию, скрывающий нижнюю часть лица. Я намотала на себя столько тряпок, что по спине катился пот, как у грешника на молитве. Не стрелок, а какой-то заблудившийся в городе кочевник. Ничего, главное, чтобы приняли за мужчину. Отсюда надо выбраться живой, желательно ещё и со звонкой монетой в кармане.

Стрельбище на другом конце Шалмана трудно было не найти – такой оттуда доносился шум. Огромный заброшенный сарай по соседству с заколоченной молельней в конце

пыльной улицы кишел людьми и сверкал огнями. Прежде он, возможно, служил конюшней какому-нибудь честному торговцу, однако, судя по виду, с тех пор прошло немало лет.

Чем ближе я подходила, тем гуще становилась толпа. Будто стервятники над трупом у обочины. Какого-то бедолагу с расквашенным носом прижали к стене двое, а третий методично обрабатывал ему лицо кулаками. Женщина выкрикивала из окна такое, что покраснел бы даже жестянщик. Мастеровые в засаленных робах сгрудились вокруг кочевника, который расхваливал с ветхой повозки свой товар – кровь джинна, исполняющую желания добрых людей. В свете масляных ламп широкая улыбка продавца казалась не слишком уверенной, что и понятно: уже долгие годы в наших местах вообще не попадалось древних, не говоря уже о джиннах. Опять же, насчёт добрых людей в Шалмане кочевник погорячился. Да и кто из обитателей песков поверит, что у джинна течёт в жилах что-нибудь, кроме жидкого огня. В Захолустье ходили к молитве достаточно часто, чтобы разбираться и в том и в другом.

Я старалась не глазеть по сторонам, как будто не в первый раз здесь. Далеко впереди, за домами, дорога вилась через пустыню к моей родной Пыль-Тропе, где на улицах сейчас пусто, а в окнах темно. Там встают и ложатся вместе с солнцем: благонамеренность не слишком дружит с ночной тьмой. Если бы от скуки умирали, в нашем посёлке живых не осталось бы. Народ, однако, пребывал в добром здравии.

Когда я проскользнула в сарай, никто из толпы, собравшейся у стрельбища, даже не обернулся. Ряд больших масляных светильников под крышей отбрасывал жирные блики на лица зевак. Тощие юнцы торопливо устанавливали мишени, увёртываясь от тумачков здорового мужчины, который их подгонял. Скорее всего, это были сироты, чьи отцы гнули спину в оружейных мастерских на окраине Пыль-Тропы, пока их не разорвало на части или не сожгло живьём – как правило, по пьяни. Порох шуток не любит.

Озираясь по сторонам, я едва не наткнулась на верзилу, дежурившего у двери.

– Вперёд или назад? – рыкнул он, придерживая рукоятку кривой сабли на поясе. С другой стороны висел револьвер.

– Что? – растерялась я, едва не забыв изменить голос. Целую неделю тренировалась говорить, как мой приятель Тамид, но получалось всё равно не по-взрослому – такой мальчишеский тенорок. Однако дверному стражу было всё равно.

– Три фауза за место в задних рядах, пять – впереди, – пояснил он. – Ставки – от десяти фауза.

– А в средних почём? – невольно вырвалось у меня.

Вот кто за язык тянул? Тётушка Фарра уже год не могла выбить из меня излишнюю разговорчивость, но этот громила справился бы куда лучше. К счастью, он лишь нахмурился, приняв, очевидно, шутку за тупость.

– Каких ещё средних? Либо впереди, либо сзади, парень.

– Я не смотреть, – поспешила заявить я, пока храбрость

окончательно не улетучилась, — я стрелять.

— Тогда что ты мне мозги пудришь? Иди вон к Хасану. — Он подтолкнул меня к здоровяку с прилизанной чёрной бородкой и в алых шароварах, который барабанил пальцами по низкому столику с дребезжащей грудой монет.

Глубоко вдохнув через куфию, я постаралась успокоить сердце, готовое выскочить через горло.

— Сколько за участие?

Шрам на верхней губе Хасана искривился в ухмылке.

— Полсотни фауза.

Грабёж, да и только! Почти всё, что у меня есть. Целый год откладывала, чтобы сбежать в Изман, столицу Мираджа.

Несмотря на куфию, чернобородый уловил мои колебания, и взгляд его пренебрежительно скользнул мимо. Это и решило дело. Я высыпала на стол пригоршню лаузи и полупшек, собранных по монетке с таким трудом. Как говорит тётушка Фарра, я способна на любую дурость, лишь бы доказать, что кто-то не прав. Собственно говоря, так оно и есть.

Хасан скривился на кучку мелочи, однако, с привычной ловкостью пересчитав деньги, неохотно кивнул. Прилив удовлетворения дал краткую передышку моим издёрганым нервам. Получив от чернобородого деревянную бирку на шнурке, где чёрной краской было выведено: 27, я повесила её на шею поверх ткани, которой перемотала грудь.

— Револьвер в руках держал, двадцать седьмой? — хмыкнул здоровяк.

– Приходилось.

У нас в Пыль-Тропе не хватало почти всего, как, впрочем, во всём Захолустье: воды, пищи, одежды, но только не оружия, ну и песка, само собой.

– Тогда что же руки трясутся? – недоверчиво ухмыльнулся он.

Прижав кулаки к бокам, чтобы успокоиться, я шагнула к очереди стрелков. Чернобородый прав: если револьвер дрожит в руке, то не имеет значения, что ты научилась целиться раньше, чем читать.

Передо мной стоял мужчина в замасленной фабричной робе, тощий – кожа да кости. Вскоре подошёл следующий – с номером двадцать восемь на шее – и встал за спиной.

Толпа зрителей всё прибывала, букмекеры уже принимали ставки. Не на меня, разумеется, – кто в здравом уме поставит на юнца, который постеснялся даже открыть лицо? Только какой-нибудь подвыпивший чудака мог бы посрамить здравомыслящих и заработать на мне целое состояние по здешним меркам.

– Добрый вечер, парни! – перекрыл гул толпы мощный голос чернобородого. Вдоль очереди забегали ребятишки, раздавая револьверы. Босоногая девчонка с косичками сунула мне мой. Ощущая приятную тяжесть, я взглянула в барабан – шесть патронов. – Все знают правила и, надеюсь, не забудут, не то – клянусь Всевышним! – своими руками размажу по стенке! – Зрители жизнерадостно загоготали, пуская по

кругу выпивку и обсуждая нас, словно покупатели – лошадей в дядиной конюшне. – Первый этап: у каждого по шесть пуль на шесть пустых бутылок. Если хоть одна уцелеет, стрелок выбывает... Первая десятка – на линию!

Мы смотрели, как номера с первого по десятый выстраиваются вдоль черты, проведённой белилами прямо по земле. До бутылок-мишеней – шагов пять.

Ерунда, детская забава!

Тем не менее двое ухитрились промазать почти сразу, и в конце концов из десятки выбыла половина. Одним из победителей оказался настоящий гигант – чуть не вдвое крупнее других стрелков. Разводы жёлтой песчаной пыли на его замызганной армейской гимнастёрке сошли бы издалека за золотое шитьё, а на деревянной бирке гордо красовалась кося единица. Толпа разразилась жизнерадостными воплями: – Дахмад! Дахмад чемпион!

Повернувшись, стрелок поймал за шиворот одного из ребятишек, подметавших осколки стекла, и властно шепнул тому что-то на ухо. Мальчик тут же метнулся и притащил бутылку бурого пойла. Прислонившись к барьеру, отделявшему зрителей от стрелков, великан жадно приложился к горлышку. «Недолго ему чемпионить с такой привычкой!» – подумала я.

Следующая десятка выступила ещё хуже – лишь один из стрелков поразил все мишени. Когда неудачники поплелись прочь, я не без удивления разглядела лицо победителя. Чу-

жак, никаких сомнений – это бросалось в глаза. Все остальные тут здешние. Кому в здравом уме придёт в голову пере-
езжать из нормальных мест в пески Захолустья?

Молодой, на вид чуть старше меня, зелёная куфия небрежно повязана на шее, свободный халат скрывает широкоплечую фигуру. Волосы чёрные, кожа смуглая, как у любого мираджийца, и всё же не наш – непривычно острые черты лица, высокие скулы, квадратная челюсть и прямой разлёт бровей, а такой странной формы глаз я в жизни не видывала. При всём при том скорее хорош собой, чем нет.

Кое-кто из проигравших, уходя, плевал ему под ноги, но он лишь улыбался уголком рта, будто сдерживая смех. Затем, видимо ощутив мой взгляд, поднял глаза, и я поспешно отвернулась.

В последней партии стрелков нас осталось одиннадцать, так что пришлось потесниться, хоть я и занимала едва половину обычного места.

– Эй, двадцать седьмой, шевелись! – Чей-то локоть пихнул меня в бок.

Я резко обернулась, но язвительный ответ застыл на губах. Рядом стоял Фазим аль-Мотем. Мне захотелось выругаться. Кстати, ругаться он меня и научил – в шестилетнем возрасте, а самому тогда было восемь. Взрослые случайно слышали, мне набили рот песком, а этот предатель свалил всё на меня. Пыль-Тропа – посёлок крошечный. С Фазимом мы сталкивались постоянно, и я возненавидела его всей ду-

шой, едва начав что-то соображать. Он вечно ошивался у нас в доме, то и дело пытаюсь залезть под юбку моей двоюродной сестре Шире, а то и мне самой, когда Шира отворачивалась.

Какого дьявола ему тут понадобилось? Ах да, конечно... Глупый вопрос. Вот ведь принесла нелёгкая! Одно дело, если во мне просто распознают девушку, и совсем другое, если узнает Фазим. Меня частенько наказывали и после того, как поймали на сквернословии, но до полусмерти избили только однажды, когда погибла мать. Тогда я впервые позаимствовала у дядюшки одну из лошадей, и нагнали меня уже далеко от Пыль-Тропы, у самой Арчи. Побывав на волосок от смерти после знакомства с плёткой тётушки Фарры, в седле я смогла ездить только через месяц. Если ей теперь донесут, что я играю в Шалмане на припрятанные деньги, тот волосок покажется целой милей.

Разумнее всего было бы потихоньку смыться, но это означало бы потерю полусотни фауза, а деньги найти труднее, чем умные советы.

Я вдруг поняла, что стою по-женски, и поспешила развернуть плечи, глядя на мишени. Новые бутылки уже были поставлены в ряд, а Фазим наставлял оружие: «Бах! Бах!» – и хохотал, когда ребяташки испуганно вздрагивали. Хоть бы его револьвер разорвало и стёрло эту поганую усмешку!

Наконец всё было готово, пол подметён, остались только мы, последние одиннадцать, и мишени перед нами. Слева и справа затрещали выстрелы. Я могла бы поразить все шесть

целей с завязанными глазами, но спешить не стала. Прикинула расстояние, выровняла ствол, проверила прицел и только потом потянула спусковой крючок. Крайняя справа бутылка разлетелась вдребезги. Мои плечи немного расслабились. За первой быстро последовали ещё три бутылки.

Нажимая на спуск в пятый раз, я вдруг услышала крик – и в моё плечо кто-то врезался. Пуля ушла в сторону. Фази-ма кто-то сбил с ног, а он, падая, толкнул меня. Оба мужчины покатались по песку, тузя друг друга кулаками, а верзила охранник, подоспевший от двери, растаскивал их за ворота. Зрители недовольно топали и свистели.

Чернобородый Хасан проводил забияк скучающим взглядом.

– Итак, – возвестил он, перекрывая шум, – победителями первого этапа стали...

– Эй! – крикнула я. – Мне нужен ещё патрон!

В толпе раздались смешки, шею жгло от любопытных взглядов. Вот тебе и не привлекла внимания! Но тут уж ничего не поделаешь – либо качай права, либо уходи с позором.

От презрительной усмешки Хасана к горлу подкатил комок гнева пополам с унижением.

– У нас так не положено, двадцать седьмой, – сплюнул он. – Шесть пуль, шесть бутылок – и никаких вторых попыток.

– Но так нечестно: он толкнул меня! – Я кивнула на Фази-ма, который прислонился к стене, ощупывая пострадавшую

челюсть.

– Здесь не школьный двор, сынок. Честность поищи в другом месте. Стреляй последний раз и вали, а лучше сразу сдавайся.

Все остальные в группе уже отстрелялись, и зрители недовольно гудели, требуя освободить место.

К щекам под куфией прихлынула кровь. Оставшись на линии одна, я повернулась к бутылкам и подняла револьвер, ощущая вес единственного патрона. Тяжело перевела дух, отлепив языком влажную ткань от пересохших губ.

Одна пуля, две бутылки. Только так.

Сделав два шага вправо и отступив на полшага, я наклонила голову, прикидывая траекторию. Если бить точно в середину, вторая бутылка останется целой, но если подрезать слишком далеко, может уцелеть и первая.

Пятьдесят фауза.

Я вытеснила из головы крики и насмешки, любопытные взгляды и внезапно свалившуюся на меня нежелательную известность. Их место занял страх – тот самый, что терзал меня уже третий день с того вечера, когда я кралась под тёмными окнами, чтобы тайком навестить Тамида, и вдруг услышала своё имя, произнесённое тётушкой:

– ...Амани? – Начало фразы я не уловила, но застыла, обратившись в слух.

– Ей нужен муж. – Голос дяди Азида звучал громче слов его первой жены. – Только он сумеет наконец выбить из дев-

ки дурь. Скоро исполнится год, как нет Захии, и Амани возможно будет сватать.

Мою мать повесили, и только теперь соседи понемногу переставали проклинять её имя. Дядя произнёс его спокойно, деловым тоном.

– Мне и с твоими дочерьми забот хватает, – раздражённо ответила тётушка Фарра, – а ты ещё и отродье моей сестры подсовываешь! – Имени сестры она после её смерти не упоминала.

– Тогда я сам возьму её в жёны!

Дядя Азид говорил так, словно покупал лошадь. Мои пальцы судорожно вцепились в песок.

– Она слишком молода! – фыркнула тётушка и, судя по тону, презрительно отмахнулась. Этим обычно споры и заканчивались.

– Не моложе, чем Нида была... В конце концов, она и так живёт у меня в доме и ест мой хлеб. – Временами на дядюшку находило, и он мог пренебречь мнением главной жены. Похоже, идея воодушевляла его всё больше. – Так что пускай либо остаётся как моя жена, либо выметается как чья-нибудь ещё. Мне по нраву первое.

Мне это уж точно не по нраву. Лучше сразу умереть!

Сжав зубы, я глянула на бутылки. Кроме цели, ничто не имело значения.

Я спустила курок.

Первая бутылка разлетелась сразу, вторая закачалась на

краю деревянного бруса. По выбоине в толстом стекле было видно, куда отрикошетила пуля. Я затаила дыхание.

Вот они, пятьдесят фауза, которых я могу никогда больше не увидеть. Смерть или спасение.

Бутылка свалилась на землю и раскололась. Толпа взревели.

С облегчением переведя дух, я повернулась, встретив изумлённый взгляд Хасана. Так смотрят на змею, чудом избежавшую ловушки. Чужак смотрел у него из-за спины, приподняв брови. Мои губы под куфией расплылись в невольной улыбке.

– Ну как?

Шрам над губой Хасана искривился.

– Становись на второй этап.

Глава 2

Не знаю, как долго ещё мы стреляли. У меня спина взмокла от пота, а Дахмад успел выхлестать между делом три бутылки своей коричневой бурды. Однако револьвер всё ещё был у меня в руках.

Теперь мишени стояли на деревянном щите, мальчик крутил ручку, и щит медленно вращался. Я шесть раз нажала на спуск, и толпа вновь разразилась рёвом, заглушая звон разбитого стекла.

Рука Хасана легла мне на плечо.

– Итак, перед вами участники сегодняшнего финала! – выкрикнул он у меня над ухом. – Наш местный чемпион – Дахмад! – Услышав своё имя, подвыпивший великан пошатнулся, победно воздевая руки. – Его главный соперник, который опять с нами, – Змей Востока! – Странноватый чужак, казалось, не заметил криков и свиста, лишь кривая усмешка скользнула по его лицу. – И наконец, открытие сегодняшнего прекрасного вечера... – Хасан вскинул мою руку, и толпа затопала, заорала и засвистела так, что стены сарая вздрогнули. – Синеглазый Бандит!

Всплеск паники мигом вытеснил всю радость. Я украдкой огляделась в поисках Фазима. Сойти за мальчишку ещё куда ни шло, но цвет глаз не скрыть. Всё остальное у меня такое же, как у любого обитателя пустыни, но даже дурак вроде

Фазима, услышав про глаза, сложит два и два. Три у него вряд ли получится. Сжав зубы, я натянуто улыбнулась под куфией, переживая неистовство публики.

Хасан уронил мою руку.

– Десять минут на последние ставки, потом финал! – объявил он.

Зрители гурьбой повалили к букмекерам. Я устало опустилась на песок и прислонилась спиной к барьеру. Дрожь волнения ещё отдавалась в ногах, пропотевшая рубашка липла к телу, лицо горело под плотной тканью куфии, но впереди уже маячила победа! Прикрыв глаза, я предвкушала вождеденный звон монет. На кону больше тысячи фауза – столько до самой смерти не наскребёшь, особенно после того, как месяц назад обрушились железные копи в Садзи. Ошиблись с закладкой взрывчатки – это официальная версия. Подобное случалось, хоть и без таких серьёзных последствий. Однако гуляли слухи и о саботаже, и о бомбе, поговаривали даже о древних и что, мол, какой-то джинн решил наказать людей за грехи. Так или иначе, нет железа – нет оружия, а значит, и денег. Всем пришлось затянуть пояса, а у меня не хватило бы и на сам пояс. С тысячей фауза совсем другое дело. Чего только на них не купишь! Можно наконец выбраться из опостылевшей пустыни, покрытой фабричной копотью, и рвануть в Изман. Первым делом добраться с караваном до Арчи, а оттуда уже идут поезда.

Иzman! Слово, впитанное, как молитва, из уст матери.

Оно было символом огромного мира и обещанием лучшей жизни – той, что не заканчивается петлёй.

– Значит, Синеглазый Бандит? – Чужак уселся рядом, опершись локтями на поднятые колени. На меня он не смотрел. – Ну хоть получше, чем Змей Востока... – Поднял бурдюк с водой, жадно приложился к нему. Я невольно сглотнула, не в силах отвести глаз. Только сейчас поняла, как хочу пить! – Хотя всё равно кличка разбойничья. – Он глянул искоса. Ни взгляд, ни слова доверия не внушали. – Настоящее-то имя у тебя есть?

– Если так уж хочется, зови меня Оман. – Ну не представляться же в самом деле как Амани аль-Хайза, хватит с меня и синих глаз.

– Забавно! – фыркнул он. – Я тоже Оман.

– Очень забавно! – сухо усмехнулась я.

В Мирадже так называли добрую половину новорождённых сыновей – в честь нашего сиятельного султана. То ли отцы надеялись на милость правителя к обездоленным тёзкам, – которым, впрочем, едва ли светило когда-нибудь приблизиться к нему на расстояние плевка, – то ли на милость Всевышнего, оказанную по ошибке. Впрочем, незнакомец наверняка такой же Оман, как и я. Всё в нём не наше – от разреза глаз и формы лица до одежды, которая сидела на нём как чужая. Даже в речи ощущался лёгкий акцент, хотя по-мираджийски он говорил правильней, чем большинство остолопов вокруг.

Не удержавшись, я с любопытством взглянула на него.

– Ты откуда сам?

Ну вот, опять! Зачем лишний раз открывать рот? Как ни подражай голосу Тамида, риск всё равно остаётся.

«Змей» глотнул ещё воды.

– Да ниоткуда особенно... А ты?

– Тоже ничего интересного. – Можем поиграть и в такую игру.

– Будешь? – Он протянул бурдюк, но как-то слишком услужливо.

Пить хотелось зверски, но приподнимать куфию, даже краешек, я не решалась. Ничего, живём в пустыне, привыкли.

– Потерплю! – хмыкнула я, стараясь не трогать языком потрескавшиеся от жажды губы.

– Ну как хочешь, – пожал он плечами и снова запрокинул бурдюк. Я с завистью смотрела, как жадно ходит вверх-вниз его кадык. – Чемпиона нашего – вот кого жажда одолевает. – Он кивнул на краснорожего Дахмада, который принялся за новую бутылку.

– Тебе же лучше! – воскликнула я. – Меня переплюнуть не получится, так хоть вторым станешь.

Змей беззаботно хохотнул. Почему-то стало приятно, что удалось рассмешить его. Азартные игроки, с нетерпением ожидавшие финальных стрельб, смотрели с подозрением – не сговариваемся ли мы против них.

– Ты мне нравишься, малыш, – шепнул он. – У тебя есть талант, так что вот тебе мой совет: бросай всё и уходи.

– Думаешь, сработает? – фыркнула я, гордо вскинув подбородок. – Ну-ну...

– Вон тот наш приятель, – вновь кивнул он на Дахмада, – в доле с хозяином. Хасан не любит отдавать денежки на сторону.

– Откуда ты знаешь? Вроде не здешний...

Он придвинулся ближе с заговорщицким видом:

– Я выиграл у него на прошлой неделе.

– Похоже, это было нетрудно! – криво усмехнулась я. Чемпион хватался за стену, едва держась на ногах.

– Угу... Те двое, которых послал за мной Хасан, чтобы отобрать деньги, доставили больше хлопот. – Он сжал кулак, показывая сбитые в кровь и едва зажившие костяшки пальцев, потом подмигнул: – Но тех можешь больше не бояться... Хасан пошлёт других.

Я постаралась согнать с лица все признаки страха.

– Так ты вернулся, чтобы дать ему второй шанс?

– Сколько тебе лет, тринадцать? – Лицо чужака вдруг стало серьёзным. (Вообще-то почти семнадцать, но в одежде мальчишки мне трудно было дать больше.) – Со своими способностями ты можешь далеко пойти – если не умрёшь сегодня. Уйти не стыдно, все видели, как ты стреляешь, доказывать это ценой жизни вовсе не обязательно.

– А ты зачем вернулся, раз это так опасно? – Я глянула

ему в глаза.

– Деньги нужны, – буркнул он. Снова глотнул из бурдюка и поднялся на ноги. – И потом, в таких заварушках мне всегда везёт.

Насчёт денег – знакомо.

– Мне нужно ещё больше... – вздохнула я, не обращая внимания на протянутую руку. Мы понимали друг друга, но всё же оставались соперниками.

– Ладно, тебе жить. – Опустив руку, он отошёл.

Да ну, глупости! Запугивает. Хороший стрелок. Мы оба сильнее Дахмада, вот и хочет избавиться от меня.

Потому что я лучше! Иначе мне просто нельзя.

Ставки больше не принимались – кто не успел, тот опоздал. Мы втроём вышли на линию. Та же самая босоногая девочка принесла мне всего один патрон, а в другой руке – полосу чёрной материи.

– Итак, финальный этап состязаний! – громко объявил Хасан. – Стрельба вслепую!

Я потянулась, чтобы взять повязку, и вздрогнула, услышав выстрелы. Даже невольно пригнулась, не сразу осознав, что доносятся они снаружи сарая. Следом послышался крик. В толпе вытягивали шеи, стараясь заглянуть в дверь. Как же, новое развлечение! Сама я ничего разглядеть не могла, зато слова на улице прозвучали как нельзя отчётливее:

– За принца Ахмеда! Новый рассвет, новые пески!

Я опасно поёжилась, мурашки так и запрыгали по спи-

не.

– Дьявол! – Чужак с досадой потёр подбородок. – Вот недоумок!

Клич сторонников мятежного принца знали все в Мирадже, но передавали друг другу лишь шёпотом. В самом деле только полный идиот мог публично поддержать блудного сына султана: слишком много у нас в Захолустье носителей старых идей и новых револьверов.

В гомоне толпы различались обрывки фраз:

– Принца ещё в прошлом месяце убили в Шимаре...

– Говорят, скрывается в Дервских пещерах вместе со своей сестрой-ведьмой...

– Приказано повесить на месте без суда...

– Наступает с войском на Изман...

Почти всё это и многое другое мне уже приходилось слышать. С тех пор как пропавший принц объявился через полтора десятка лет, чтобы побороться за титул наследника отцовского трона, рассказы о его похождениях каждый день обрастали новыми мифами. Одни уверяли, будто он честно выиграл состязания, но султан не захотел делать сына наследником и приказал убить. Другие – что смошенничал, используя магию, и всё равно проиграл. Однако все сходились на том, что после неудачи он сбежал в пустыню и поднял восстание в надежде захватить трон силой.

Новый рассвет, новые пески... Интересно! По большей части мне доводилось слышать рассказы о делах минув-

ших, участники которых давно умерли, а история мятежного принца разворачивалась прямо сейчас, на моих глазах, хотя и он легко мог сгинуть сегодня или завтра.

За дверью послышалась недолгая возня, а затем верзила привратник за шиворот втащил в сарай мальчишку почти тех же лет, на какие выглядела я в своём мужском наряде. Толпа пьяно загалдела.

Паренёк едва стоял на ногах. Разбитое лицо заливала кровь, но серьёзных ран на его теле видно не было – ни огнестрельных, ни ножевых.

– Так-так! – с усмешкой произнёс Хасан, вновь овладевая вниманием зрителей. – Похоже, у нас есть доброволец!

Верзила выволок мальчишку вперёд, толкнул к мишеням и, взяв бутылку, водрузил ему на голову. У меня упало сердце.

– Тогда переиграем! – продолжал хозяин стрельбища, торжествуя подняв руки. – В финале будет стрельба не вслепую, а в предателя!

Толпа зрителей приветствовала идею дружным рёвом.

Я могла легко сбить бутылку без всякого риска для паренька, и чужак тоже, а вот наш чемпион... Дахмад шатался как маятник да ещё продолжал прикладываться к бутылке. В таком состоянии он даже задницей в землю не попадёт, не говоря уже о цели.

Мальчик покачнулся – бутылка с глухим звоном упала на песок. Зрители снова загоготали. Подручный Хасана грубо

тряхнул пленника за плечи, заставляя выпрямиться, и вернул мишень на место.

– Он не сможет стоять ровно, – обернулся к хозяину чужак, – нормально стрелять не получится.

– Тогда не стреляй, – беспечно отмахнулся чернобородый Хасан. – У кого кишка тонка – скатертью дорога!

На то и был его расчёт – что мы уйдём, уступив приз Дахмаду. Пожалеем юнца, который моложе нас, но уже со шрамами на руках от тяжкого труда на фабрике. Нет уж, тут не до жалости – либо он, либо я. Так или иначе, со своим длинным языком он долго не проживёт: в нашем Захолустье на куски порвут за измену. Какая разница, кто его убьёт! На мне вины не будет.

– Или стреляй ему в голову, авось окажешься точнее всех, – продолжал с ухмылкой Хасан. Я невольно сжала кулаки. – Мне плевать.

Разумеется, это было не так. Он надеялся, что мы уйдём.

– А если мы откажемся оба? – бросила я через плечо. – Что тогда?

Он покрутил в руках патрон.

– Тогда в моих карманах будет полно золота, а в ваших – пусто.

– Это понятно... – Я не могла оторвать глаз от мальчишки-повстанца, избитого до крови. Жалко всё-таки. Такая же несчастная жертва песков, как и я. – Только неприятностей у тебя будет ещё больше, чем золота... Когда клиенты пой-

мут, что их одурачили. – Лицо Хасана потемнело: об этом наверняка он не подумал. Со скучающим видом я окинула взглядом толпу, разгорячённую азартом и спиртным. – Тут куча народу поставила на нас свои кровные, а с заработками нынче туго, сам знаешь. Железные копи закрылись, фабрика стоит... Не стоило бы людей раздражать, а?

В самом деле только слепой мог не заметить, сколько тут обнищавших безработных, у которых так и чешутся кулаки найти виноватого. Мальчишка с разбитым лицом и тот – один из отчаявшихся, разве что опьянён не бурдой по паре лаузи за бутылку, а идеями мятежного принца. Мне самой хорошо знакомо это чувство, потому и рвусь всей душой в столицу, подальше отсюда.

– Солнышко у нас жаркое, страсти кипят, – продолжала я, – а если ещё Змей с Бандитом их подогреют... – Я с опаской покосилась на Хасана, не пристрелил бы сгоряча. – Впрочем, у меня есть идея, как тебе помочь.

– Да ну? – свирепо рявкнул он, но продолжал внимательно слушать.

– Ну да, – кивнула я. – Могу сдать или даже занять место мальчишки – за тысячу фауза.

Змей Востока резко повернулся ко мне, выплюнув что-то на непонятном языке – явно ругательство.

– Ты спятил, что ли?! – прорычал он уже на мираджийском. – Пулю в голову захотел?

– Вдруг повезёт? – Моя грудь вздымалась от волнения.

Повстанец, шатаясь, перетаптывался босыми ногами по песку, полному осколков стекла, но с его губ не слетело ни звука.

– Так мы стреляем или нет?! – пьяно заревел Дахмад и швырнул в него пустой бутылкой, промахнувшись на полшага.

– А если не повезёт, то и платить не надо будет, и зрители сполна наслаются кровью, – добавила я, не сводя глаз с лица Хасана.

– И все уйдут довольные... – Губы его искривились в злобщей ухмылке.

– Кроме мёртвого Бандита, – вставил чужак шёпотом, так что могла слышать только я, и произнёс уже для Хасана: – Вот что. Мы разделим риск! – Я попыталась возразить, но осеклась, увидев его взгляд. Теперь мы стали союзниками. – Если Бандит так уж хочет, пускай встаёт первый. Я выстрелю и промахнусь, но его не задену. Потом встану с бутылкой сам, и промахнётся он. – Мои плечи уныло обвисли. Промазать? Вот ещё! Но он так доверяет мне... Я неохотно кивнула. – Тогда твой пьяница останется чемпионом, – продолжал Змей, – и ему не надо будет стрелять, а мы уйдём отсюда целые...

– И с деньгами! – поспешила вставить я, пока его благородство не оставило нас нищими. – Тысяча фауза со сборов – каждому!

– Хватит с вас и по сотне! – хохотнул Чернобородый.

– По восемьсот, – сбавила я цену.

– Пятьсот, и радуйтесь, что я никого не пошлю за вами, чтобы переломать кости!

– По рукам!

Не тысяча, но всё же лучше, чем совсем ничего. До Изма-на добраться хватит.

Толпа уже гудела в нетерпении.

– Эй, вы, трусы желторотые! – выкрикнул кто-то. – Стрелять-то собираетесь? Ваша мишень скоро штаны намочит!

Хасан решительно развернулся лицом к публике.

– Парни, да на что нам сдалось это мятежное отродье? Ещё и коротышка... – Он схватил бутылку с головы парень-ка. – Давай вали отсюда!

Повстанец таращился на него в изумлении, как висельник, у которого в последний момент перерезали верёвку.

«Беги же, идиот!» – подумала я. Спотыкаясь, он поплёлся к выходу. Напряжение у меня в груди чуть ослабло, но зрители роптали всё громче.

Хасан поднял руку, успокаивая их:

– Не лучше ли поглядеть, как трое наших финалистов будут целиться друг в друга? – Толпа снова взревела, радуясь неожиданному повороту. От криков и топота тряслись дощатые стены. – Вперёд, Синеглазый Бандит!

Я глубоко вздохнула. Неужели сработает? Эх, зря так быстро согласилась на пять сотен!

– Шагай, парень! – раздался шёпот над ухом. – Ты же мне

веришь?

– Я тебя даже не знаю, – с сомнением глянула я на самодовольную ухмылку Змея.

– Тогда остаётся только верить. – Он стащил у меня с головы шляпу.

Волосы были спрятаны под куфией, видны только глаза, но всё равно без шляпы я чувствовала себя раздетой.

Путь к мишеням казался бесконечным.

Хасан с ухмылкой поставил бутылку мне на макушку.

– Что трясёшься, как невеста перед брачной ночью? Терпи, денежки так просто не даются.

Гнев придал мне силы, я застыла как вкопанная. Бутылка стояла неподвижно. Даже не шелохнулась – ни когда чужак встал на линию стрельбы, ни когда загнал в гнездо единственный патрон, ни когда поднял револьвер и нацелил, казалось, прямо мне в лоб. Только дыхание перехватило, а стрелок, как назло, не спешил, испытывая мои нервы.

– Давай же, струсил, что ли?! – вырвалось у меня.

И в тот же миг раздался выстрел. К счастью, дёрнулась я уже после. Толпа разочарованно заулюлюкала. Слава Всевышнему! Слышу – значит, жива.

Я наклонила голову и поймала бутылку – целёхонькую. Обернулась – пуля вонзилась в стену, пройдя на волосок от моего виска. Только тогда меня затрясло, то ли от нервов, то ли от радости, и я сжала пальцы на стекле, чтобы унять дрожь. В свою очередь, под свист зрителей двинулась на ли-

нию и встретила Змея на полпути. Задержавшись, он нахлобучил на меня шляпу и спросил:

– Ну как, нормально?

Я покачала головой:

– Совсем впритирку.

– Ну так что? – хохотнул он. – Это чтоб ты не чувствовал себя бессмертным.

– Не боишься шутить с тем, кто может сейчас вышибить тебе мозги? – Я сунула ему бутылку.

Он снова рассмеялся и зашагал к мишеням. Для меня попасть в бутылку не составило бы труда. В конце концов пьяный чемпион совсем не обязательно угодит в чужака, а если и так, что мне до того? Тысячи фауза какой-то незнакомец уж точно не стоит.

Я подняла револьвер и выстрелила. Бутылка осталась стоять.

– Игра окончена! – завопил Хасан, перекрикивая толпу. – Дахмад – чемпион! Ничья – в его пользу, он сохраняет свой титул!

Часть зрителей ликовала – очевидно, те, кто ставил на великана, но кое-кто выкрикивал: «Стрелять! Пусть стреляет!» – и таких становилось всё больше.

Шатаясь, Дахмад поднял руки.

– Да! Я тоже буду стрелять в Змея!

Чужак снял бутылку у себя с головы, но чемпион уже шагнул на белую линию, поднимая револьвер и жестами требуя

поставить её обратно.

– Правильно! – хрипло расхохотался Хасан. – Победитель должен стрелять, иначе какой же он победитель? – Он хитро покосился на меня. Всё было понятно: нет победителя, нет и приза, и денег для нас. – Что скажешь, Змей Востока?

Я глянула на чужака и покачала головой. Он нахмурился, помолчал, потом отступил назад и вновь установил бутылку у себя на макушке.

Едва держась на ногах, чемпион пьяно прищурился, вглядываясь в мишень. Мой отец являлся домой с работы в таком виде чуть ли не каждый день, а однажды схватился за оружие. Будь он трезвее, мы с матерью не выжили бы.

Дахмад поднял револьвер. Ствол был направлен чужаку прямо в грудь, и тут до меня наконец дошло. В прошлый раз Змей выиграл, и пьяница, разгорячённый спиртным, решил отомстить. Чтобы попасть в человека почти в упор, особой точности не требуется.

Толстый палец нащупал спусковой крючок... Нет! Больше не раздумывая, я рванулась вперёд и изо всех сил врезалась в бок чемпиону. Выстрел грохнул, но пуля ушла в сторону. Дахмад с рёвом рухнул на песок и неловко заворочался, пытаясь встать.

Толпа взорвалась воплями, словно бочонок пороха, дождавшийся искры. Игроки понимали, что их надули. Одни орали, что мы сговорились с чужаком, другие обвиняли Хасана. Кто-то уже требовал свои ставки назад.

– Ах ты, шлюхин сын! – Дахмад уже стоял на ногах. Его могучие лапищи трягнули меня за плечи, и я повисла в воздухе, болтая ногами. Попыталась вырваться, но он прищёпнул меня к стене, выбив из груди весь воздух. Багровая рожа с оскаленными зубами обдала густым вонючим перегаром, в руке сверкнуло лезвие ножа. – Выпотрошу тебя, как цыплёнка, кишки свои будешь собирать!

Сбоку протянулась рука Змея, его пальцы на миг сомкнулись на волосатой лапе, и я услышала тошнотворный хруст. Нож отлетел в сторону, звякнув об осколки бутылок. Я повалилась наземь, Дахмад отшатнулся, из его обвисшего запястья торчала сломанная кость. Чужак проворно подхватил нож с песка.

– Беги! – бросил он.

Стены сарая тряслись от рёва беснующейся толпы. Какой-то пьяный, споткнувшись, свалил фонарь, и тот рухнул, разбрызгивая во все стороны горящее масло. Я рванулась было к выходу, но туда было не пробиться. Мы с чужаком стояли прижавшись к стене. О нас уже забыли. Сарай быстро наполнялся дымом, надо было спасаться.

– Летать умеешь? – крикнул чужак мне в ухо, кивая на окно под самым потолком.

– Не умею, зато вешу немного! – пошутила я, засовывая револьвер за пояс. Ещё не хватало оставлять.

Он сразу меня понял. Сцепил руки, я разбежалась и, оттолкнувшись от них, взмыла в воздух и ухватилась за окон-

ную раму, больно ударившись локтями. Чужак поддерживал меня снизу, помогая подтянуться. Крыша заколоченной модельни была совсем рядом. Протиснувшись наружу, я слезла на неё, с наслаждением вдыхая ночной воздух. Очень хотелось убежать, но я обернулась и помогла вылезти следом и Змею.

Спрыгнув с крыши, мы кубарем покатались по песку. Над головой просвистела пуля.

– Куда теперь, Бандит? – отдуваясь, спросил чужак.

Это он меня спрашивает? В небе стоял дым, из щелей сарая пробивались огненные лепестки пламени. Надо срочно возвращаться к дядюшке, но не тащить же с собой какого-то непонятного типа! Мою младшую двоюродную сестру Назиму нещадно выпороли, когда она принесла домой мышонка, пойманного в школьном подвале, а что будет со мной, если заявлюсь вместе с чужаком, трудно даже себе представить. А в придачу он ещё и узнает, что я девушка!

– Не бойся, не пропаду! – хмыкнула я.

Он оглянулся через плечо:

– Есть где укрыться?

Я прищурилась от дыма. Где-то там, в конце улицы, бар. Только бы Синька была на месте!

– Спасибо за всё! – выдавила я улыбку. – Мне лошадь надо забрать.

И припустила бегом.

Глава 3

– А ну поднимайся, лентяйка, и живо в лавку, не то еды сегодня не получишь! – Одеяло слетело мощным рывком, и я со стоном зажмурилась от солнечного света, успев разглядеть лицо тётушки Фарры. – И завтра тоже!

Послышались тяжёлые удаляющиеся шаги... Девять, десять – тётушка уже на кухне. Я осторожно разлепила веки. Поспать удалось от силы часок-другой, неплохо бы и в самом деле поменять еду на сон, но в окно уже сочился рассвет и слышался призыв к молитве.

Скатившись с циновки на доски пола и натянув одеяло на голову, я принялась шарить вокруг в поисках одежды. Заворочились в своих постелях шесть моих двоюродных сестёр, с которыми мы делили тесную комнатушку. Крошка Нази-ма приподнялась, тут же плюхнулась обратно и сунула в рот уголок одеяла.

Между нашими спальными подстилками почти не оставалось свободного места. Комната напоминала поле боя с разбросанной повсюду одеждой, школьными принадлежностями, рукоделием и несколькими книжками. Более-менее аккуратным был лишь уголок Олии, которая пыталась даже подвесить к потолку лошадиную попону, чтобы отгородиться от сестёр. Короче, освоилась я здесь далеко не сразу.

В доме моего отца было всего две комнаты. В одной спали

родители, другая, побольше, служила общей столовой, и в ней спала я почти шестнадцать лет. Теперь этой комнаты нет, как и всего дома, где прошло моё детство.

После долгих поисков мне удалось наконец отыскать свой халат, смявшийся в комок под одеялом. Разгладив, как могла, синюю ткань ладонями, я накинула его, натянув затем простые коричневые шаровары.

Шира раздражённо фыркнула в подушку:

– Ты долго будешь тут метаться, как подыхающая коза? Дай другим поспать!

Олия в своём углу молча натянула одеяло на голову. Я взяла с пола ботинок и, подняв его как можно выше, нарочно уронила. Шира, морщась, зажала уши. Среди сестёр у нас с ней единственной была общая кровь, остальные родились не от тётушки Фарры, а от других дядиных жён. У тётушки было ещё трое старших сыновей.

Шира прищурила заспанные глаза, наблюдая, как я неловко вожусь с поясом.

– Паршиво выглядишь, кухня! – ядовито заметила она. – Бессонница замучила? Вон все руки ободрала, пока всю ночь ворочалась с боку на бок.

Я дёрнулась было прикрыть синяк на ушибленном локте, но не стала. Разумеется, Шира знала, что ночью меня где-то носило, ведь её постель в одном шаге от моей.

Где именно носило, сестрице было невдомёк, но всё равно донесёт тётушке, если поймёт для себя выгоду – да и просто

так, ради удовольствия поглядеть, как меня выпорют.

— Как тут уснёшь, — парировала я, справившись с узлом, — когда ты под боком. Храпишь, аж стены трясутся, — не знала?

— Вот видишь! — фыркнула из-под одеяла Олия. — Говорила я, а ты не верила.

Она была младше всех, не считая Назимы, и иногда почти мне нравилась. Нам приходилось встречаться ещё до того, как я поселилась у дяди и стала предметом всеобщей неприязни.

— Хотя, может, и не ты сегодня храпела, — добавила я с невинным видом. — Куча одеял обычно не храпит.

Когда я под утро влезла в окно, тайком использовав часть нашей драгоценной воды, чтобы кое-как избавиться от запаха дыма и пороха, постель Ширы была такой же пустой, как моя собственная. Сейчас от сестры несло розовым маслом — значит, к Фазиму бегала.

Небось парень похвастался ей вчера, что вернётся чемпионом и богачом, а оно вон как получилось. Я невольно усмехнулась. Хорошо ещё, если живым выбрался.

Так что пока ничья — обе промолчим. Надувшись, Шира уселась в постели и принялась расчёсывать волосы.

Не заморачиваясь с гребнем, я запустила пальцы в собственную чёрную гриву и встряхнула, приводя в порядок. Затем пошла на кухню. Мальчишки уже повставали и собирались на работу, перекрикиваясь сквозь гул молитвенных колоколов. Те, кто вкалывал на фабрике, успевали молиться

только в праздники.

Я протиснулась мимо Джераза, который надевал спецовку, почёсывая почти заживший шрам на груди. Пару месяцев назад его обожгло, когда из топки неожиданно выплеснулся огонь. Повезло – всего лишь заработок за несколько недель потерял, а мог бы и с жизнью расстаться.

На кухне я деловито схватила с верхней полки жестянку с кофе. Она уже была совсем лёгкой, чему способствовали и подмешанные опилки. Желудок привычно скрутило. Дела идут плохо: голодуха. Впрочем, они всегда идут неважно, и всё хуже и хуже.

– Фарра! – раздражённо окликнул старшую жену дядюшка Азид. – Где кофе?

Сонно потирая лицо, он заглянул на кухню. Младшая жена Нида плелась позади, глаза в пол, руки сложены на раздувшемся животе. Я поспешно отвернулась, чтобы не встретиться с раздевающим дядюшкиным взглядом.

В душе всколыхнулось отчаяние. Нет, я здесь ни за что не останусь, пускай мешочек с накоплениями, примотанный к телу, и опустел изрядно за прошедшую ночь.

– Дай сюда! – Тётушка Фарра выхватила у меня жестянку, другой рукой отвесив крепкий подзатыльник. – Тебе что было сказано? Живо беги открывай лавку!

– Сказано? – иронически повторила я, уворачиваясь от новой затрещины. В лавку так в лавку, чем дальше от дома с дядиными взглядами, тем лучше. – Скорее уж крикнуто... –

Всё равно трёпки не миновать, так хоть выскажусь. – Тебя весь посёлок слышит!

Дверь захлопнулась за моей спиной, я протопала по крыльцу и побежала по улице, радуясь тому, что тётушкины угрозы становятся всё тише с каждым шагом.

Лавка у дяди Азида находилась на другом конце Пыль-Тропы, то есть примерно в двух с половиной сотнях шагов. Наша единственная улица по утрам не выглядела пустынной: мужчины тащились на фабрику, а женщины и старики – в молельный дом, пока солнце не выжгло остатки ночной прохлады. Привычная картинка, опостылевшая до тошноты. Этот посёлок стоило бы расстрелять из одного милосердия. Железо из горных копей больше не идёт, а бураки не попадались уже долгие годы. Простые лошади на продажу ещё остались, но это мизер.

В Пыль-Тропе мне нравилось только одно – бескрайние просторы вокруг. Оставив позади унылые домишки с тёмными провалами окон, можно было скакать часами, не встретив ничего, кроме песка и редких кустиков. Теперь это отнюдь не играло мне на руку, но в детстве позволяло хоть ненадолго сбежать от пьяных выкриков отца, обзывавшего мою мать подстилкой для чужаков, неспособной родить ему сына. В песках никто не мог видеть, как девочка палит из краденого револьвера, не жалея истёртых пальцев и воображая мишень стопкой в дрожащей руке жалкого выпивохи.

Дальше всего мне удавалось сбежать, хоть и мысленно, ко-

гда мать рассказывала мне на ночь истории про Изман – само собой, втайне от отца. Ах, Изман... Город тысячи золотых куполов и башен, стирающих синеву с небес, и тысяч сказок о многих тысячах людей. Там женщина могла принадлежать одной себе в окружении бессчётных возможностей, которые поджидали на каждом углу. Мать рассказывала о принцессе Хаве, которая своим пением призвала рассвет раньше срока, чтобы отогнать от города кошмарных ночных чудищ, и о безымянной купеческой дочери, выманившей драгоценности у самого султана, когда разорился её отец. А ещё мать читала мне письма от своей сестры Сафии.

Сафия была единственной на моей памяти, кому удалось выбраться из Пыль-Тропы. Сбежав накануне того дня, когда её хотели выдать замуж, она добралась до Измана. Письма приходили со случайными караванами и описывали чудеса большого города, большого мира и лучшей жизни, и тогда мать принималась за свои истории и делилась мечтами уехать когда-нибудь к сестре вместе со мной.

Разговорам настал конец в самый жаркий день, какой только помнили обитатели Пыль-Тропы... А может, он и запомнился из-за того, что случилось. Я тогда пряталась в песках – так далеко, как могла убежать, не теряя из виду дома. Шесть бутылок, выставленных в ряд на солнце, отбрасывали слепящие блики, и приходилось щуриться, несмотря на куфию и шляпу, надвинутую на глаза. Помню, как прицелилась в очередной раз, прихлопнула муху на шее и вдруг услышала

три далёких выстрела. У нас в Захолустье это не редкость, так что я не беспокоилась особо, но потом заметила над крышей клубы дыма и кинулась в посёлок со всех ног.

Наш дом был охвачен пламенем. Позже мне сказали, что мать три раза выстрелила отцу в живот, а затем устроила пожар, но в ту минуту, когда наружу выволокли его тело, я ощутила лишь облегчение. Он даже не был мне родным отцом. Помню, как мать рванулась ко мне, но её оттащили. А ещё – как в ушах зазвенело от собственного крика, когда её шею захлестнула петля. Вот тогда-то мечты о большом мире, о котором она рассказывала, и перестали быть для меня просто мечтами.

Успев пробежать лишь половину улицы, я заметила растущую толпу на пустыре за молельным домом, где когда-то стоял отцовский, потом сгоревший. Среди голов мелькнул прилизанный пробор Тамида, и я протолкалась к приятелю. Это было нетрудно: люди его сторонились, словно боялись заразиться хромотой.

– На что глазеем? – Вместо костыля я подала ему руку.

Костыль у него был, но в очередной раз стал коротковат – Тамид быстро рос, и новые приходилось заказывать часто.

– А на что похоже, по-твоему? – хохотнул он.

И я шутливо высунула язык.

Костыль он передал Хайфе, единственной служанке во всём посёлке. Кроме семьи Тамида, никто не мог позволить себе покупать еду да ещё платить кому-то застряпню. Рядом

с другими Тамид казался бледной немочью, но теперь хотя бы опирался на меня и его длинная тощая фигура не казалась такой сгорбленной.

Солнце над горизонтом уже слепило глаза, и сперва я ничего не разглядела, если не считать почерневших от копоти кирпичных стен оружейной фабрики на окраине посёлка. Чтобы её обслуживать, наша дыра, собственно говоря, и существовала. Лишь потом мне удалось уловить солнечные блики на полированном металле.

С дальних холмов спускалась армия султана. Солдаты двигались колонной по трое в ряд. Куфии на их головах отливали золотом, белые шаровары заправлены в сапоги, мундиры с золотым шитьём перепоясаны широким кушаком, за который заткнуты сабля и револьвер. Отряд приближался медленно, но неотвратно – как всегда.

Одно хорошо: среди белой с золотом военной формы сегодня не мелькали голубые мундиры галанов. Конечно, и армия султана не подарок, но они хотя бы свои, а галаны – чужаки, по-настоящему опасные.

Вообще-то по части политики и истории трудно полагаться на слухи. Насколько приходилось слышать мне, лет двадцать назад наш высокочтимый султан Оман решил, что сможет править Мираджем лучше, чем его отец, и заключил тайный союз с галанами. Чужеземцы убили старого султана и всех противников молодого, а взамен Оман позволил им встать лагерем в его владениях и получать наше оружие, что-

бы вести свои войны за морем.

– Не рановато ли они вернулись из Садзи? – Я прищурилась, пытаюсь пересчитать солдат. Похоже, отряд меньше обычного.

– Ты разве не слыхала? – удивился Тамид. – Вчера вечером сгорело дотла стрельбище в Шалмане. – Моё лицо застыло, но приятель вроде бы ничего не заметил. – Какой-то бунт. Отец сказал, видели людей принца Ахмеда. Солдаты спускаются с гор, чтобы навести порядок.

– Чтобы повесить пьяниц и игроков, ты хочешь сказать.

Армия султана прошла через Пыль-Тропу всего несколько дней назад, направляясь к железным копиям в Садзи. Очевидно, власти решили разобраться, можно ли там возобновить работу. Принимать военных снова так скоро не хотелось. Обычно они являлись каждые три месяца, чтобы забрать с фабрики готовую партию оружия и доставить галанам.

– Шалман всегда был гнездом порока, – праведно поджал губы Тамид, – вот и получил своё. Как раз сегодня на рассвете я читал про город золота Абадден. (Мой друг имел обыкновение зачитывать святые книги до дыр и мог бы, наверное, проповедовать не хуже самого священника.) Богатство отвратило его жителей от Всевышнего, и он послал джиннов очистить город бездымным огнём.

О джиннах мне доводилось слышать и куда менее приличные истории – о том, как они выкрадывали у отцов и мужей

девушек и женщин, совращали их и уносили в свои тайные башни. Мало ли что расскажут про старые добрые времена! Джиннов никто не видел уже десятилетия, и палить гнёзда порока приходится переодетым девушкам и чужакам с помощью местных выпивох.

– Вот видишь, – продолжал Тамид уже своим обычным шутивым тоном, – не зря я тебя предостерегал насчёт того стрельбища. Небось теперь рада, что послушалась... – Он поморщился, заметив, как я смущённо потупилась. – Что, серьёзно?

– Да тихо ты! – прошипела я, косясь на Хайфу, которая как-то слишком внимательно разглядывала его костыль. – Хочешь, чтобы меня повесили?

Тамид разочарованно вздохнул:

– Так вот почему ты сегодня вся какая-то выжатая...

– Можно подумать, ты у нас прямо кровь с молоком! – фыркнула я, потирая щёки, словно надеялась избавиться от следов бурной ночи. – Между прочим, могла взять приз, – добавила я шёпотом, придвинувшись вплотную, – если бы там играли хоть чуточку честнее.

– А кто сказал, что не могла? – буркнул он с кислым видом. – Я же говорил: не надо было вообще...

Этот наш спор начался уже давно, ещё когда моя мать рассказывала про Изман. После её гибели я больше не говорила приятелю о своих мечтах, пока не подслушала слов дяди о замужестве. А тогда сразу бросилась к Тамиду.

К нему в окно я лазала с детских лет, с тех пор как стала дотягиваться до подоконника, и он неизменно радовался мне. Журил, но больше в шутку. Узнав, что я собралась бежать, шутить перестал.

Тамид никогда не понимал моего желания покинуть Пыль-Тропу, хотя, казалось бы, сам мог выбраться легче всего – изо всех обитателей нашей затхлой дыры. В ту ночь он сказал мне то же самое, что и прежде. Какая разница, где жить, если мы с ним навсегда останемся теми же – калекой и нищей девчонкой? Если никому не нужны здесь, то с какой стати окажемся нужны там?

В ответ я пересказывала письма тёти Сафии – о лучшей жизни, о том, что выше прозябания на задворках пустыни, – но Тамид был слишком недоверчив для ревностного прихожанина. В конце концов я притворилась, что передумала копить деньги и бежать, на самом же деле продолжала верить – а что мне оставалось? Иначе нет смысла жить вообще.

Хайфа многозначительно кашлянула:

– Это, конечно, не моё дело, господин, но вы опаздываете к молитве.

Мы с Тамидом переглянулись, подавляя смешки. Как будто снова в школе.

– Опаздывать грешно, – произнёс он с деланой серьёзностью.

В школу мы всё время опаздывали и обычно ссылались на его хромоту, а учитель вот так же точно говорил про грех.

Мы бы, может, и испугались, но его послушать – так всё на свете грех, а Тамид прочёл Писание от корки до корки уже трижды, и опоздания, как и болтовня или сон на уроках, там даже не упоминались.

Он всё же забрал у Хайфы свой костыль и позволил утянуть себя в молельню, бросив на прощание:

– Мы ещё поговорим.

Помахав ему рукой, я развернулась в другую сторону и поспешила по обжигающему ноги песку к дядиной лавке. Добежав, откинула железные решётки и пинком распахнула дверь, чтобы впустить впереди себя солнечный свет, а войдя, осторожно заглянула за мешки с солью и полки с запаянными жестяными банками, в которых никогда не портилась еда. Двери и ставни в лавке были обиты железом, как и везде в Захолустье, но заползти среди ночи всё равно что-нибудь могло.

В пустыне с теньями не шутят. Чудищ всяких сколько угодно – от костлявых безликих гулей, пожирающих плоть и принимающих облик жертвы, чтобы добраться до её родных и знакомых, и до чёрных как ночь крылатых нетопырей, что кусают спящих и кормятся их страхом, пока не высосут всю душу. Однако, сколько бы их ни было, против железа упыри бессильны. Солнечного света они тоже не выносят, но вернее всего – пуля в голову или стальной нож в сердце. Железо даже бессмертных делает смертными. Так Разрушительница погубила самых первых древних, и так же точно люди, в свою

очередь, расправились с её собственными порождениями.

Теперь чудищ стало меньше, и люди в наших местах не гибнут от них вот уж десяток лет, но всё же время от времени страшные твари находят щель в железе и таятся потом в тёмных углах, пока не получают пулю или удар ножа.

Убедившись, что лавка пуста, как бутылка пьяницы, я подпёрла дверь, чтобы сквозняк разгонял духоту, высыпала на прилавок остаток своих монет и принялась пересчитывать.

Шесть фауза и три лаузи, сколько раз ни пересчитывай. Не хватит и за окраину Пыль-Тропы выехать, не говоря уже об Измане. Даже если сбежать с дядюшкиной кассой и никто не поймает, далеко не уедешь.

Значит, нужно придумать новый гениальный план, и как можно скорее.

Звякнул железный колокольчик над дверью, и я едва успела смахнуть свои жалкие накопления с прилавка. Явились первые покупатели – мамаша Пама аль-Йамин с троицей сыновей.

Весь томительно тянувшийся день в голове крутились мысли о том, как выбраться из Пыль-Тропы. Ближе к вечеру от жары и усталости я стала клевать носом, но встрепенулась, услышав с улицы стук копыт. Мимо лавки проскакали всадники. Я вскочила, во рту пересохло от волнения. Тамид же говорил, они идут к Шалману. Что могло понадобиться солдатам у нас? Неужели кто-то донёс им о Синеглазом Бан-

дите и о единственной девушке в пустыне, способной сыграть его роль?

В лавку стремительно, словно тень, нырнула человеческая фигура и распласталась по стене между входной дверью и окном. Моя рука легла на ружьё, которое тётушка Фарра держала под прилавком. Однако незнакомец не двинулся в мою сторону, он вообще не шевелился, будто и не дышал.

По улице проскакал ещё один всадник, но на лавку не обернулся. Подождав, пока он удалится, я подала голос:

– Хороший день для игры в прятки.

Незнакомец резко развернулся – небрежно повязанная куфия упала с лица, и косой вечерний свет, сочившийся в окно, отчётливо обрисовал его черты. Сердце у меня в груди странно подпрыгнуло. Змей Востока!

Моё лицо, однако, даже не дрогнуло: привычка. Чужак улыбнулся, хотя плечи его остались напряжены.

– Просто хотел отдохнуть от солнца: жарковато сегодня.

Тот же голос, речь гладкая и правильная. Ни единой искры узнавания в странных глазах – я даже была слегка разочарована.

– Посёлок у нас небольшой, – заметила я, – рано или поздно они придут сюда. Скорее рано. – Снова стук копыт, возвратившийся всадник придержал лошадь, развернулся. Окликнул кого-то, подъехали ещё двое. Лицо чужака напряглось. Нож у него на поясе был тот самый, что выронил Дахмад вчера, когда я позорно сбежала... – Здесь не самое

надёжное место для укрытия.

Держа руку на рукоятке ножа, он вопросительно взглянул на меня. Я отступила от прилавка, кивнув себе под ноги. Всадник за открытой дверью уже спешил. В ту секунду, когда он повернулся спиной, чужак рванулся вперёд, перескочил через прилавок и нырнул под него, чуть задев меня плечом.

Я едва успела встать обратно, когда в лавку ввалились трое мужчин. Первый шагнул вперёд, внимательно оглядывая крошечное помещение. Наконец его взгляд остановился на мне.

Молодой, с аккуратно зачёсанными назад волосами и пухлыми щеками, он выглядел зелёным юнцом, но шитый золотом шарф через плечо выдавал офицера.

– Добрый вечер, господин, – поклонилась я со всей почтительностью, остро ощущая, как чужак под прилавком старается дышать тише.

– Для тебя – господин тысячник! – Офицер нервно дёрнул рукой, но сделал вид, будто поправляет манжеты.

– Что будет угодно господину тысячнику? – Лыстать армейским я давно уже выучилась.

Двое солдат встали по сторонам двери, словно часовые. Один выглядел типичным старым служакой и стоял навтыжку, вытаращившись перед собой. Другой, наоборот, был ещё моложе командира, а может, даже и меня. Бело-золотой мундир сидел на нём мешковато, на лице застыло отсутству-

ющее выражение. Такому в армии долго не выжить, не успеет даже пообтесаться.

– Мы разыскиваем мужчину, – надменно процедил офицер с резким северным акцентом. Похоже, из благородных.

Чужак под прилавком сжался, задев мою ногу. Боится, что я его выдам, или узнал голос? Интересно.

Я озадаченно моргнула со всей возможной наивностью.

– Чудно́ как-то! Обычно в наших местах мужчинам нужны женщины.

Слова вылетели прежде, чем я успела себя одёрнуть. Застрелит же – и будет прав! Старый солдат кашлянул, подавляя смешок, но офицер лишь нахмурился, сочтя меня, видимо, идиоткой.

– Преступника, – пояснил он. – Ты видела кого-нибудь?

– Да мало кого, – пожала я плечами. – Толстую Паму с сыновьями, потом святого отца...

– Тот человек не местный! – Офицер снова завертел головой, прошёлся туда-сюда. От его тяжёлых шагов звякали бутылки на полках.

– Вот как? – Я следила, как он заглядывает за мешки и осматривает полки с продуктами.

Запасов почти не осталось, никого там не спрячешь. На прилавке вдруг блеснула искоркой красная капелька. Кровь? Будто невзначай я накрыла её ладонью – к счастью, офицер смотрел в другую сторону.

– Ты бы сразу его заметила, – добавил он, всё так же над-

менно чеканя слова.

Я беспечно улыбнулась, как будто сердце у меня в груди не колотилось, а ноги не порывались умчаться в холмы.

– Да говорю же, почти никого не было... тем более чужаков.

– Точно?

– Я никуда не выходила с самого утра. Жарко, все по домам сидят.

– Надеюсь, девочка, у тебя хватает ума не лгать.

Я прикусила язык, сдерживая язвительный ответ. Сам-то ты кто? От силы на пару лет старше меня, ровесник Змея. Опершись на прилавок и не снимая руки с кровавого пятна, я доверительно подалась вперёд.

– Лгать грешно, господин тысячник, мне это известно.

Жалко, Тамид не слышит – вот бы посмеялся!

Внезапно заговорил молодой солдат:

– Эта пустыня полна греха.

Мы повернулись к нему одновременно. Как ни странно, офицер молчал. Неудивительно, что старший не слишком скрывал свой смех. Ни один командир, пользующийся хоть каким-то авторитетом, не потерпит от рядового такой дерзости.

Встретившись взглядом с юнцом, я вздрогнула, вдруг заметив, что глаза у него голубые. В жизни не видывала таких мираджийцев – все они смуглые, черноглазые и темноволосые. Синие глаза и светлая кожа – типично галанский при-

знак.

Получив право на наше оружие, иностранцы почувствовали себя хозяевами во всём. Пару лет назад в Шалмане повесили молодую Далалу аль-Йимин, после того как галанский солдат с ней позабавился, а женщины посёлка дружно утешали её мать: мол, всё к лучшему, всё равно такая порченная никому не нужна. Тогда я и задумалась о собственных синих глазах и поняла наконец, что имел в виду отец, ругая мать подстилкой для чужаков. Да и никто в посёлке не верил, что от двух черноглазых родителей могла родиться такая синеглазка, как я. Скорее всего, моя мать просто оказалась умнее той Далалы и вовремя успела выскочить за Хайзу, чтобы выдать за его дочь младенца от чужака, подкараулившего мираджийку тёмной ночью.

Похоже, мамаша юного солдатика тоже отличалась сообразительностью, но спасти его от армии всё же не смогла. А может, мнимый отец нашёл удобный случай избавиться от него. Вот и оказался тут болтливый тощий юнец в обвисшем мундире, и долго ему в нашей пустыне не протянуть.

Мне вдруг стало нечем дышать, по спине заструился пот. Палящий жар песков показался непереносимым. Стены лавки будто сомкнулись, воздух задрожал от нервного напряжения.

– Так и есть, Нуршем. – Голос офицера прервал мои мысли.

Он снова нервно одёрнул манжеты, затем резко махнул

рукой. Старый солдат буркнул что-то юнцу и вывел за дверь, взяв за локоть, – совершенно не по-армейски.

Однако размышлять об этом было некогда. Я оказалась одна в лавке с офицером, не считая чужака, которого прятала. Солдаты ушли, чтобы не мешать? Моя рука вновь потянулась к заряженному ружью под прилавком.

Офицер опёрся на прилавок расставленными руками и наклонился ко мне, глядя в упор.

– Преступник, которого мы ищем, крайне опасен, – произнёс он сурово. – Он наёмный шпион, а сейчас идёт война...

Вот новость-то! Как будто я не наблюдаю всю свою жизнь, как по нашей пустыне разгуливают чужеземцы!

– У Мираджа больше врагов, чем ты можешь себе представить, – продолжал он, – и этот человек служит им. Он не задумываясь перережет горло женщине, только сначала... ну ты понимаешь.

В памяти всплыли события прошлой ночи, когда чужак не задумываясь встал перед дулом револьвера, чтобы спасти незнакомого мальчишку.

– Так что, если ты его увидишь, – заключил офицер, – очень советую рассказать мужу.

Я потупилась, изображая смущение.

– У меня ещё нет мужа.

– Ну тогда отцу. – Он выпрямился, одёргивая манжеты.

– Отца тоже нет... – продолжала я разыгрывать дурочку. –

Дяде можно рассказать?

Офицер кивнул, явно успокоенный моей глупостью. Такая и врать-то не умеет! Повернулся, пошёл к двери. И тут кто-то снова дёрнул меня за язык.

– Господин... господин тысячник! – окликнула я, опустив глаза, как подобает приличной девушке в разговоре с офицером. Между тем смотрела я в упор в глаза Змею. Его лицо чуть дрогнуло – узнал? – Этот шпион... За что его разыскивают?

Офицер обернулся с порога:

– За измену.

Я вопросительно подняла брови, по-прежнему глядя в лицо чужаку. Тот подмигнул, и я невольно ответила улыбкой:

– Я буду следить, господин тысячник!

Когда стук копыт на улице затих, я подала чужаку руку, и он поднялся на ноги.

– Измена? – прищурилась я.

– А ты ловко выкручиваешься, – заметил Змей, – хоть и не врёшь.

– У меня немалый опыт... – Ощувив его пальцы на запястье, я отняла руку и тут заметила на белой рубашке алое пятно, такое же, как на прилавке. – А ну-ка повернись! – Посмотрела и ахнула: рубашка на спине вся промокла от крови. – Не хочу тебя расстраивать, но ты, похоже, ранен.

– Ах да... – Он пошатнулся и ухватился за прилавок. – Совсем забыл.

Глава 4

На случай, если ещё кто-нибудь войдёт, мы уселись на пол за прилавком. Окровавленная рубашка присохла к телу, и её приходилось срезать ножом. На широких плечах чужака бугрились мышцы, грудь вздымалась и опадала в такт частому, прерывистому дыханию. Мне померещился запах дыма от вчерашнего пожара.

Я потянулась и достала с полки бутылку с крепкой настойкой. Запасов спиртного у нас было больше, чем воды. Плеснула на чистый уголок рубашки и провела сзади по плечу, но раненый даже не поморщился.

– Ты не обязана мне помогать, – нахмурился он, помолчав. – Слышала, что сказал заботливый господин тысячник Нагиб? Я опасен.

– Не больше, чем он сам! – прыснула я. – Не признаваться же, что Синеглазый Бандит остался в долгу перед неким Змеем. – Кроме того, – я подняла руку, – у меня есть нож.

Он замер, ощутив лезвие у самого горла. Волоски на затылке встали дыбом. Затем рассмеялся:

– Да уж... – Лезвие чуть царапнуло дёрнувшийся кадык, словно опасная бритва. – Я тебя не обижу.

– Я знаю, – буркнула я, постаравшись подпустить в голос угрозы, и занялась пробитым плечом, пытаясь нащупать пулю.

Ощутив кончик ножа в ране, чужак напрягся, но не издал ни звука. Я заметила у него на спине татуировку и легонько провела по ней кончиками пальцев. В ответ на прикосновение мышцы его затвердели, и по моей руке пробежала дрожь.

– Это чайка. Так назывался первый корабль, где я служил, – «Чернокрылая чайка». Идея мне в то время казалась удачной, – стал объяснять он, и птица зашевелилась в такт его словам.

– И что ты делал на том корабле?

– Что и все – ходил под парусом.

Мои пальцы ощутили его растущее волнение. Он глубоко вздохнул, и нарисованная птица будто бы взмахнула своими узкими длинными крыльями. Я смущённо отдернула руку, и дыхание его стало успокаиваться.

– Похоже, мышцы плеча не порваны, – вынесла я вердикт, подвигав кончиком ножа. – Теперь не шевелись!

Я упёрлась локтями в бока раненого. Он тяжело задышал, татуировка с компасом у другого плеча мерно двигалась вверх-вниз. Наконец пуля выпала и покатилась по полу, плеснула кровь, и я проворно зажала отверстие скомканным лоскутом рубашки.

– Сейчас наложу швы...

– Да ну, и так буду хорош.

– А со швами – ещё лучше.

Он хохотнул, преодолевая боль.

– Ты училась хирургии?

– Нет, – покачала я головой, обрабатывая настойкой края раны. Затем достала с полки моток грубых желтоватых ниток и иглу. – Просто трудно жить здесь и не пообщаться с несколькими десятками словивших пулю.

– Да здесь и всех жителей ненамного больше.

– Вот именно! – кивнула я и ощутила его улыбку, хоть и не видела лица.

Игла проткнула кожу, раненый зашипел и царапнул ногтями пол. У меня на языке вертелся вопрос, и я не выдержала:

– Как ты мог изменить султану, если сам не мираджиец?

– Я родился здесь, – ответил он, помолчав.

– Что-то непохоже. – Кому и как мог изменить наёмный шпион, я спрашивать не решилась. Захочет – сам расскажет.

– Не совсем здесь... В Измане. – Упоминание о столице заставило меня вздрогнуть: слишком близка была вчера заветная мечта. – Моя мать была родом из страны под названием Сичань, там я и вырос.

– Какая она, эта Сичань?

Чужак снова помолчал.

– Как объяснить, если ты никогда не видела дождя? – начал он наконец. – Представь, что с неба то и дело льётся вода, а воздух всегда душный от влаги и мокрая одежда липнет к телу. – Мои руки лежали на его обнажённых плечах, которые вздымались в такт тяжёлому дыханию. – Здесь вокруг один сухой песок, а там везде зелень и вода. Бамбук растёт так быстро и мощно, что опрокидывает дома, даже городские...

Как будто старается вернуть себе свою землю... Из-за духоты женщины ходят с бумажными веерами, такими яркими и красочными – глаза разбегаются. Мы прыгали в море прямо в одежде, чтобы спастись от жары, но повсюду было столько кораблей, что свободное место трудно найти. Корабли приходят со всего мира: альбийские с резными обнажёнными наядами на бортах, свейские с укрытиями от холода... А сичаньские похожи на драконов и сделаны целиком из одного ствола дерева. Деревья там бывают выше, чем башни в Измане.

– Если там такие чудеса, то что ты делаешь здесь, у нас? – вздохнула я. – Не скажешь?

– Нет... – Он поморщился от нового укола иглы. – А ты вряд ли расскажешь, что тебя заставило соврать доблестному тысячнику Нагибу аль-Оману.

– Пожалуй... – Моя игла застыла в воздухе. – Нагиб аль-Оман? Не сынок ли это нашего султана, случайно?

– Откуда ты знаешь? – Он сжал зубы в ожидании нового стежка.

– Каждый знает о мятежном принце... и обо всех остальных, кто боролся за титул наследника.

Когда Оман ещё только взошёл на трон, одна из самых красивых жён родила ему сына Ахмеда. Мальчик рос крепким и сообразительным, и, хотя гарем пополнялся и сыновей у султана прибавлялось, Оман всегда благоволил к Ахмеду. Три года спустя та же самая жена родила дочь, но не ребён-

ка, а джинна-полукровку с алой гривой на рогатой голове, чешуёй и когтями. Султан лично забил изменницу до смерти, но в ту же ночь и Ахмед, и его новорождённая сестра-чудище бесследно исчезли. Четырнадцать лет спустя пришло время для состязаний за титул султима, наследника трона. Так повелось в Мирадже испокон веков. Участвовать полагалось двенадцати старшим сыновьям султана. С тех пор прошло больше года. Моя мать была ещё жива. Когда новость дошла до Пыль-Тропы, то делать ставки потянулись даже те, кто искренне считал это грехом.

В день состязаний двенадцать старших принцев выстроились в ряд на площади у дворца, и посмотреть на них собралась вся столица. И тогда вдруг появился тринадцатый. Когда он откинул капюшон плаща, перед зрителями предстала настолько точная копия султана Омана в юности, что никто не мог усомниться в подлинности претендента. Какие бы подозрения ни возбудило внезапное возвращение принца, отменить традицию было невозможно.

Он имел полное право участвовать, а потому самого младшего претендента из состязаний исключили. Его звали Нагиб. Я запомнила имя, потому что очень многие у нас в Пыль-Тропе ставили на то, что младший погибнет первым. Скорее всего, так бы и вышло, если бы блудный братец своим возвращением не спас Нагибу жизнь.

Огромный лабиринт в дворцовом саду, полный хитрых ловушек, Ахмед прошёл быстрее всех, а затем легко выиграл

испытание на сообразительность, отгадав все загадки придворных мудрецов. Когда дошла очередь до испытания оружием, он одолел всех по очереди братьев, пока не остался один на один с самым старшим сыном султана – принцем Кадиром.

Они сражались целый день, и в конце концов старший сдался. Ахмед сохранил тому жизнь, но, едва он повернулся, готовый принять от отца знаки султима, Кадир поднял саблю и коварно напал на брата сзади. Ахмеда спасла единоутробная сестра-полуджинн, стоявшая в толпе. Отбросив человеческую личину, она своей магией отвела смертельный удар.

Султан пришёл в неописуемый гнев, объявил султимом Кадира, а Ахмеда приказал казнить, но молодой принц с помощью сестры бежал в пустыню и поднял мятеж против отца. Новый рассвет, новые пески!

Я затянула последний шов и отрезала ножом остаток нити. Чужак повернулся, и мой взгляд впервые упал на его обнажённую грудь. Почему-то захотелось отвернуться, хотя глупо, конечно, – у нас в посёлке мужчины частенько щеголяли без рубашек. Но этот был не наш, незнакомец, и прежде я не стала бы обращать внимания на мышцы рук и живота или татуировку в виде солнца над сердцем.

Он взглянул на меня в быстро сгущавшихся сумерках.

– Я даже не знаю твоего имени...

– А я – твоего. – Откинув с лица волосы тыльной стороной ладони, чтобы не перепачкаться кровью, я принялась отти-

рать руки скомканной рубашкой, смоченной в настойке.

– Меня зовут Жинь, – сказал он.

– Что, так вот прямо и зовут? – улыбнулась я.

Таких имён мне в жизни слышать не приходилось. Опять фальшивое, как вчера?

– А что? – Чужак неловко дёрнул раненым плечом и скривился от боли. Живот напрягся, и над поясом показался уголок ещё одной татуировки. От внезапного любопытства у меня по спине побежали мурашки. – Имя как имя...

– Точно не врёшь? – Я бросила испытующий взгляд на его лицо.

Он криво усмехнулся:

– Лгать грешно, ты разве не знаешь?

– Да уж слыхала.

Его тёмные глаза впились в меня, заставив вдруг смутиться.

– Не случись тебя – я был бы сейчас мёртв.

Я могла бы ответить то же самое. Могла пошутить, назвавшись Оманом, или Синеглазым Бандитом, или ещё как-нибудь. Но я не стала спешить.

– Меня зовут Амани, Амани аль-Хайза. – Человеку с такой улыбкой доверять трудно. Она неудержимо тянула меня в дальние края, о которых он рассказывал, и в то же время лишала всякой надежды туда попасть. – Если подождёшь, принесу тебе другую рубашку, – добавила я, с трудом отводя взгляд от его обнажённой груди.

– Сюда могут опять прийти солдаты. – Он почесал в затылке, и татуировка на животе стала чуть виднее – кажется, какое-то животное. – Лучше бы мне поскорее смыться.

– Да, пожалуй. – Я заставила себя отвернуться. Как можно доверять чужеземцу со странным именем, даже если он спас тебя от смерти? Второй день всего знакомы... И всё же этот Жинь нравился мне больше, чем те, кого я знала от рождения. Надо выбирать: на кону стоит будущее. – А ещё – взять меня с собой.

– Нет. – Он ответил так быстро, словно знал, что я скажу, прежде меня самой. Глядя в сторону, продолжил: – Я в долгу перед тобой – обязан тебе жизнью и не хочу губить твою.

– При чём тут это? Возьми меня с собой, вот и всё, о чём я прошу.

Его глаза вновь захватили меня в плен.

– Ты даже не знаешь, куда я собрался.

– Мне всё равно. – Я придвинулась ближе, не в силах сдерживать себя. – Куда угодно, лишь бы подальше отсюда! Где хотя бы есть поезда и приличные дороги. Тогда мы будем в расчёте, и я сама доберусь до Измана. Здесь мне делать нечего, так же как и тебе.

– А чем займёшься там?

Я дёрнулась как ужаленная.

– Что-нибудь да найду – уж точно больше, чем в этой дыре! – Жинь неуверенно хохотнул, и я поспешила использовать преимущество: – Ну пожалуйста! Разве тебе никогда

не хотелось чего-нибудь так сильно, что уже нельзя терпеть? Мне надо, надо убраться отсюда, и как можно скорее! Я тут задыхаюсь!

Он глубоко вздохнул в явной нерешительности. Я выжидающе молчала, боясь всё испортить неосторожным словом. И тут зазвонили колокола.

Момент был упущен.

– Не рановато ли для вечерней молитвы? – нахмурился он.

Сердце в груди замерло, я затаила дыхание, прислушиваясь.

– Нет, это не призыв к молитве.

– Облава?

– Нет. Для армии у нас звонить не станут.

– Может...

– Тише! – перебила я, подняв руку.

Этот отчаянный перезвон мне не доводилось слышать уже несколько лет. Ещё мгновение – и его подхватил весь посёлок. Звякали дверные колокольчики, из окон доносился стук железных кастрюль. По спине побежали мурашки.

– Охота! – Я перескочила через прилавок и рванулась к двери.

Глава 5

На улице я едва не столкнулась с Тамидом.

– Амани, я тебя искал... – Он запыхался, тяжело опираясь на костыль. – Не выходи, не надо!

– Там... – начала я.

– Буракки, – кивнул он.

Сердце радостно подпрыгнуло. Сотворённый задолго до смертных, как и все древние, этот конь из песка и ветра мог скакать без остановки до самого края света и ценился на вес золота, если его удавалось изловить. Сидеть в лавке? Ни за что!

Я прищурилась, вглядываясь в конец улицы, откуда приближалось облако пыли. Мужчины обступали его, тыкая железными прутьями. Значит, одна из старых ловушек всё-таки сработала.

– Должно быть, его привлёк вчерашний пожар в Шалмане, – рассудительно заметил Тамид. – Древние падки на огонь.

На всякий случай я выдернула из столбика крыльца старый кривой гвоздь. Обитатели пустыни издревле добывали в горах металл и посылали своих дочерей в железных перчатках ловить и приручать буракки – обращать их из песка и ветра в живую плоть. Волшебных коней вели в города на продажу, тем и жили.

Затем султану пришло в голову построить фабрику. Пески затянуло железной пылью, даже вода стала отдавать ржавчиной. Буракки попадались всё реже, кочевые палатки превратились в дома, а торговцы конями – в фабричных работяг.

Только железо могло сдержать буракки – или убить, так же как упырей. Оно делало его смертным. А наделить плотью так надолго, чтобы оседлать, могли только мы, женщины.

Тамид вычитал в какой-то священной книге, что у древних своих женщин нет. Зачем рождать потомство, если ты живёшь вечно? Однако так же как знание есть сила, тяга к неизведанному составляет главную слабость бессмертных существ. Всем известны истории о джиннах, одержимых любовью к прекрасным принцессам и исполнявших любые их желания, равно как о добродетельных жёнах, которые заманивали гулей на клинки своих мужчин, и о храбрых купеческих дочерях, покорявших буракки и скакавших на них верхом в дальние неведомые страны.

Древних, при всём их могуществе, всё же тянет к нам, несмотря на риск потерять своё бессмертие и стать существами из плоти и крови.

Улица оживала на глазах. Люди с горящими глазами толпились у дверей своих домов. Появление буракки сулило пытавшимся его поймать либо большие деньги, либо большую кровь, а может, и то и другое.

Кто-то вскрикнул: в пыльном облаке появился силуэт волшебного коня. Кое-кто в страхе захлопнул дверь, но боль-

шинство жителей посёлка продолжали жадно всматриваться. Я тоже встала на цыпочки на крыльце, вытягивая шею.

Буракки не собирался сдаваться так просто. Он то и дело менял очертания, превращаясь то в коня, то в песчаный вихрь и меняя цвет с ярко-золотого на кроваво-алый – огонь и солнце, перемешанные в открытой всем ветрам пустыне. У меня в висках застучала кровь, доставшаяся от бессчётных поколений обитателей песков.

Фабрика перевернула нашу жизнь, мы перестали быть кочевым племенем, охотниками на буракки, но по-прежнему ставили на тропах ловушки из железа, и каждый из нас знал, что делать, если ловушка срабатывала.

Невдалеке звякнула тяжёлая цепь – молодая вдова, по имени Заира, прикрепляла один конец к своему подоконнику, а святой отец уже надел другой на крюк в стене молельного дома напротив. Из окон пригоршнями сыпали железные опилки, которые держали в домах на случай нападения упырей из пустыни. Железо, перемешанное с песком, и цепи превращали улицу и весь посёлок в одну огромную ловушку для древнего.

Буракки поднялся на дыбы, испуская пронзительное ржание. Мужчины обступали его, ударами железных прутьев мешая целиком обратиться в песок и ветер. Взметнувшись, тяжёлые копыта опустились в гущу тел. Послышался хруст пробитого черепа, на песок брызнуло алым. Кровь на золоте.

Дядюшка Азид ткнул острым концом своего прута – и

буракки отпрянул, на мгновение показав из песчаного вихря окровавленную грудь. Это дало загонщикам передышку, чтобы убраться и оттащить раненых на ту сторону цепи, к остальной толпе.

Их работа закончилась. Мужчины гнали буракки в посёлок все вместе, потом наступал черёд женщин, и каждая действовала уже сама по себе.

Остановила буракки, удержала достаточное время, чтобы оставить во плоти, – и он твой, вернее, принадлежит твоему мужу или отцу. В моём случае – дяде, равно как и деньги, которые тот выручит за коня.

Как бы не так! Никому я его не отдам! Мне надо любой ценой убраться отсюда, и этот способ не хуже любого другого. Если бы только поймать!

Женщины уже теснились у самой цепи. Заира жадно облизывала растрескавшиеся губы. Даже лентяйка Ши́ра выскочила из дома и с молитвенным жаром вглядывалась в силуэт желанной добычи, вцепившись пальцами в железные звенья.

Я подбежала и протолкалась в первый ряд. Сердце отчаянно колотилось в груди, и стук его отдавался во всём теле. Теперь или никогда!

– Амани! – раздался за спиной крик Тамида.

Я обернулась ответить, но тут уловила краем глаза мелькнувший розовый халат. Не обращая внимания на тревожный оклик тётушки Фарры, Ши́ра нырнула под цепь ограждения и кинулась к буракки.

И что ей дома не сиделось, поганке? Вечно прохлаждается на подушках, а тут... Переливаясь из формы в форму, бур-акки стремительно развернулся и двинулся навстречу сестре.

Нет, не отдам! Не дослушав Тамида, я шлёпнулась на песок, перекатилась на другую сторону цепи и рванулась вдогонку. Врезалась сзади в Ширу, и мы обе повалились на дорогу. Копыто чудом миновало мою голову, задев лишь краем, и перед глазами вспыхнула ослепляющая боль.

Шатаясь, я стала подниматься, но пальцы Ширы тут же стиснули мою лодыжку. Глаза сестры горели бешенством, почти как у самого разгорячённого буракки.

– Мама с тебя шкуру спустит! – злобно прошипела она, впиваясь острыми ногтями мне в руку.

– Сначала пусть поймает! – фыркнула я и врезала ей коленом в живот. Отпихнула и вскочила на ноги.

Пока мы барахтались в пыли, как на школьном дворе, по эту сторону цепи уже оказалось с полдюжины женщин, но к буракки ни одна приблизиться пока не решилась, и он уже расплывался в воздухе, уходя копытами в песок и принимая бессмертную форму. Ещё немного – и он вновь станет частью пустыни.

Шагнув вперёд, я резко свистнула, и конь обернулся.

Несколько ударов сердца мы смотрели друг на друга, потом я сделала ещё шаг... и ещё один. Он стоял неподвижно. Внезапно с другой стороны выскочила Заира и швырну-

ла горсть железных опилок. Буракки отпрянул... и бросился на меня!

Я осталась на месте – точно так же, как стояла вчера перед дулом револьвера. Смотрела на страшные копыта, взрывающие песок, но меня переполняла уверенность, что сегодня я не умру.

За миг до столкновения я шагнула в сторону, пропуская буракки впритирку, и прижалась к его боку, вытянув к морде руку с гвоздём. Железо и моя кожа.

Крик бессмертного существа сотряс воздух. Оно яростно билось, не в силах разорвать магическую связь, а я двигалась вместе с ним, прижимаясь всё сильнее к обретавшему плоть силуэту. На морде коня было написано отчаяние. Я понимала его: кому, как не мне, знать, что такое неволя.

Наконец мои руки обняли мускулистую шею. Гвоздь упал на песок, но это уже не имело значения. Покорённый буракки тяжело дышал у меня над ухом, и весь остальной мир словно перестал существовать. Солнце, песок и ветер стали под моими пальцами живой плотью, налитой мощью, которая была древнее, чем тьма, смерть и грех.

Оставалось лишь вскочить коню на спину и унести на нём прочь через пустыню к желанной свободе, но от последнего душераздирающего крика во мне будто что-то оборвалось. Я на миг растерялась, и крепкие мужские руки оттащили меня прочь.

Буракки тут же обступила суеящаяся толпа с дядей Ази-

дом во главе. Шанс был безнадежно упущен. Коня уже взнуздали, и он жалобно ржал, ощущая во рту железо, а на копыта поспешно набивали подковы – три стальные, чтобы сохранить плоть, и одну бронзовую – для покорности.

Весть о пленении буракки уже разнеслась по всему посёлку. Зрители весело аплодировали, дети радостно вопили. Про меня уже никто не вспоминал. Только сам конь печально косил на меня глазом, словно укоряя в предательстве.

Я прикоснулась к волосам, глянула на окровавленный халат – везде кровь. Нет, так я этого не оставлю! Рванулась вперёд и стала проталкиваться сквозь толпу, но кто-то вдруг схватил меня за руку и зажал ладонью рот, оттаскивая в проход между домами.

Противный скользкий голос вкрадчиво прошептал в ухо:
– Ну что, поговорим, Синеглазая Бандитка?

Глава 6

– Отстань, Фазим! – оттолкнула я его. Выбрался-таки со стрельбища... и узнал. – Пошёл вон! – Он отпустил меня и отступил в тень, сунув руки в карманы. В самом деле, куда я теперь сбегу? – Решил отомстить за свою возлюбленную, да? Ну давай, бей! – Я устало прислонилась к глиняной стене.

– Выходи за меня замуж! – вдруг выпалил он.

Я смотрела на него, изумлённо приоткрыв рот, потом расхохоталась, не в силах удержаться. Фазим выглядел таким самодовольным, будто и в самом деле рассчитывал на согласие.

– Быть мне огненным джином, если слышала что-нибудь глупее! – Я откинула со лба окровавленную прядь.

Он всё ещё тупо ухмылялся.

– У тебя красивые глаза, Амани, и кто-то точно с такими же стрелял вчера вечером в Шалмане. Синеглазый Бандит – так его называли. Не так уж много у нас в Захолустье таких глаз.

Как же некстати этот тупица решил напрячь мозги!

– Хочешь сказать, у меня есть пропавший брат?

– Ты знаешь, *что* я хочу сказать, Амани. – Он подался вперёд, и я вдруг ощутила страх. Сутолока вокруг бурачки продолжалась буквально в двух шагах, но сейчас в мире будто остались лишь мы с Фазимом. – Ты выйдешь за меня, и

никто ничего не узнает.

– Ну-ну, продолжай... – Я покосилась на улицу, где мелькнул знакомый халат. Хорошо бы, кто-нибудь сюда заглянул. – Небось заявишь, что всегда любил меня, а за Широю ухаживал только для виду, пока длится траур по моей матери?

Он снова криво ухмыльнулся, словно ждал моих слов.

– Пока ты не поймала буракки, Шира была для меня единственным шансом разбогатеть.

– Твой шанс станет ещё лучше, когда дядя продаст коня.

Не потому ли сестра кинулась в драку? Надеялась подтолкнуть этого придурка к женитьбе? Любовью его не проймёшь.

– Я всё рассчитал! – Фазим гордо постучал пальцем по лбу, отчего стал выглядеть ещё тупее. – Если я женюсь на Шире, то от этих денег мне мало что достанется, а вот если на тебе... Тогда твоему дядюшке не видать этого буракки.

Точно. Буракки будет принадлежать моему мужу.

Фазим дурак, но тут он прав. Хуже того, он убийственно серьёзен. Мало мне дядиных на меня планов, так ещё и этот...

– Да я скорее застрелюсь! – вспыхнула я. Или застрелю его.

– Можешь не трудиться. – Он оскалил лошадиные зубы. – Солдаты застрелят тебя сами, когда я скажу им, что ты якшалась с тем чужаком. – Его взгляд плотоядно обшаривал меня

от синих глаз до пяток. – Ну, разве что помучают сначала.

Подавив желание вбить ему зубы в глотку, я вежливо улыбнулась:

– Пусть лучше так, чем всю жизнь терпеть тебя!

Его рука с силой упёрлась в стену рядом с моим лицом.

– Да я... Если на то пошло, мне вообще незачем начинать с женитьбы, – заговорил он тихо и вкрадчиво, угрожающе прищурившись. – Просто сделаю тебя никому не нужной, тогда выбора просто не останется. Пойдёшь за меня или на виселицу – по стопам своей мамочки. Шейка у тебя как раз подходящая. – Он издевательски провёл пальцем по моему горлу.

Будь у меня с собой револьвер, я бы ему показала! С оружием в руках я не боялась ни одного мужчины в наших песках, но сейчас оказалась совсем беспомощной.

– Фазим! – Окрик Ширы спас меня. – Чем это ты там занимаешься?

Он резко отстранился. Сестра заглядывала в просвет между домами – губы сжаты, лицо искажено в гримасе точно как в детстве, когда она старалась сдержать слёзы.

Я скользнула вдоль стены и поспешила на улицу. Возле Ширы замедлила шаг, готовая к бурным объяснениям, но она лишь молча отступила в сторону, опустив глаза в землю.

Домой, скорее заскочить домой и бежать из посёлка! У Фазима не хватило бы мозгов для пустых угроз: он непременно донесёт военным, что я знакома с преступником. Вот

теперь Жиню точно придётся взять меня с собой, уж я его как-нибудь заставлю!

В дверях дядюшкиного дома я задержалась и прислушалась. Никого, все на улице, вернуться ещё не успели.

Я шла и молилась под звук своих шагов, чтобы никогда больше не переступить этот порог. Осмотревшись в хаосе спальни, покидала в сумку всё, что мне принадлежало, и кое-что ещё, затем бросилась в комнату мальчишек. Беспорядок там был невообразимый, одежда валялась неопрятными кучами вдоль стен. Едва я успела выбрать более-менее чистую рубашку, как из коридора донёсся стук входной двери, и тётушкин голос окликнул меня. Скорее, пока она не заглянула сюда! Я метнулась к окну и через мгновение уже стояла на песке.

На улице царила праздничная суета. Вешали фонари, накрывали столы, а музыканты настраивали инструменты в гаснущих лучах заката. Такого не было с последнего Шихаба, когда отмечают самую долгую ночь в году, вспоминают приход тьмы и Разрушительницы, а затем празднуют возвращение света. С тех пор прошёл почти год, и люди истосковались по веселью. Да, сегодня будет весело... Только на этот раз без меня.

Никто не заметил, как я проскользнула в лавку и притворила за собой тяжёлую дверь. Никого, тишина, лишь половицы скрипят под ногами да между полками в сумеречном свете из окна танцуют пылинки.

– Жинь! – окликнула я, чувствуя себя глупее некуда.

Поздно, он давно ушёл.

Да и с какой стати ему меня ждать? Рука с принесённой рубашкой уныло опустилась. Глупо было рассчитывать на помощь: он мне ничего не должен. Здесь, в пустыне, каждый за себя.

Сбегать, что ли, к молодому тысячнику, пока Фазим не успел первым? Нет уж, выдавать кого-то властям – до такого я ни за что не опущусь!

Я сунула рубашку в сумку к остальным вещам. Придётся найти другую возможность выбраться из Пыль-Тропы, и как можно скорее, пока за мной не явились.

Когда я вышла из лавки, солнце уже село. Посёлок сиял праздничными огнями. От дома к дому тянулись гирлянды масляных фонариков, на стенах горели факелы, освещая жалкие остатки съестных припасов на столах. Спиртного, однако, хватало, и возбуждённая толпа всюю приплясывала под музыку и подпевала хриплыми голосами. Ещё немного – и начнутся пьяные драки.

На улице теснилась добрая половина жителей посёлка: всем хотелось притронуться к буракки, привязанному к столбу. Он яростно вскидывал голову, бил копытом, и дядюшка Азид, не в силах успокоить коня, уже уводил его, пока дело не кончилось новыми проломленными черепами.

Проталкиваясь сквозь пьяную танцующую толпу, я крутила головой, чтобы не наткнуться на Фазима. Что-то деревян-

ное просунулось под ноги, и я, больно ударившись лодыжкой, машинально ответила пинком, но ни в кого не попала. Обернулась – и увидела перед собой Тамида, который стоял как ни в чём не бывало, опираясь на костыль.

– Нехорошо пинать калеку, – ухмыльнулся он задорно, но у меня не осталось сил даже ответить на шутку приятеля. Веселье Тамида тут же растаяло. – Я это... искал тебя, хотел... – У меня ёкнуло сердце. Вот так сбежала бы и даже не попрощалась. Всегда знала, что этот день наступит, но не думала, что так внезапно. – Вот, – продолжал он, сунув мне что-то в руку, – тебе изрядно досталось, когда возилась с буракки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.